

ЛИТЕРАТУРА

1. Гишинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социс.— 1991.— № 4.
2. Социальные отклонения / Под ред. В. Н. Кудрявцева, М., 1984.
3. Актуальные проблемы социологии девиантного поведения, социальный контроль.— М., 1992.
4. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы.— Самара, 1995.
5. Оперативные социологические исследования.— Мн., 1997.

УДК 172.1

О. В. Больбот, аспирант

ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ НЕНАСИЛИЯ

The article touches upon the problem of philosophy of non-violence within social — philosophic concepts and theories of social cognition. It gives the analysis of the concept «violence» in relation to the concept «non-violence».

Под философией ненасилия мы подразумеваем систему нравственных, психологических, социологических и собственно философских идей, теорий, взглядов, касающихся ненасильственного бытия человека в обществе, в духе отрицания войны и любой иной формы насилия, воздержания от деструктивной агрессии. Несмотря на все теории нравственного совершенствования человечества, прошлый XX век многие ученые называют веком тоталитаризма. В начале третьего тысячелетия вопросы войны и мира продолжают оставаться самыми актуальными наряду с такими, как всемирный экологический кризис, истощение природных ресурсов и т. д.

Современная политика и государственная идеология постсоветского периода не только демонстрируют неприятие самой идеи ненасилия, но еще одновременно показывают «провал» концепции «насильственного метода решения политических вопросов». С другой стороны, существует мнение, что в развитии такой ситуации в современном обществе нет ничего необъяснимого. «...Рост насилия является сейчас доминирующей тенденцией для всего мира в целом и значительно опережает рост альтруистических настроений, стремление к принципам ненасильственного мира...» — считает В. Д. Губин [2]. Насилие и готовность к насилию возрастают. К. Шлегель считает, что идет «молекулярная гражданская война» [7] и это является новой формой насилия. Под этим термином понимается произвольное, бесцельное насилие, обходящееся без идеологической мотивации и направленное против кого угодно. В нашей стране насилие в форме бунта или полномасштабной гражданской войны вряд ли возможно, поскольку общество не верит в возможность добиться каких-либо положительных результатов с помощью насилия.

Философский интерес, однако, представляет не столько насилие, исходящее от власти, сколько насилие, осуществляемое самими гражданами, точнее — внутренняя готовность к осуществлению насилия. Важным представляется не только готовность человека к совершению актов насилия, но и его отношение к тем, кто совершает такие акты. Увеличивающаяся терпимость к насилию, готовность оправдывать его высшими соображениями, благом государства и т. д. может обеспечить необходимые условия для проявления агрессивных тенденций части граждан, которые могут решиться на насилие, считая, что их действия будут одобряться окружающими. Терпимость к насилию, фактический отказ от традиционных моральных норм в значительной мере определяются характером переходного периода в трансформации социума.

Философия ненасилия приобрела в высшей степени актуальный исторический смысл. В конкретно-историческом аспекте насилие и ненасилие могут быть интерпретированы как различные ступени, стадии единого процесса. В плане перехода от насилия к ненасилию наше время является критическим, в том смысле, что требуется качественный сдвиг в системе отношений между людьми, переориентация их на воспроизводство тех ценностей, которые обеспечивают ненасильственный образ жизни.

Главный практический вопрос — можно ли сформулировать мораль ненасилия, которая была бы ясной, непротиворечивой и убедительной, а главное, принятой людьми? Идея ненасилия рассматривается нами именно как определенная парадигма мировоззрения с присущей ей историчностью и универсальностью. Мы анализируем насилие именно как исторически изменчивый способ решения социальных проблем, который развивается и трансформируется, приобретая новые формы проявления на разных уровнях социума. Ненасилие как образ жизни имеет большую этическую нагрузку, моральное содержание, а мораль определяется в большинстве своем тем обществом, в котором она существует.

Считается, что первым из факторов, определяющих отношение к насилию, является мировоззрение человека и коллективное мировоззрение всего общества. Неверие в то, что люди будут добровольно следовать общепринятым нормам поведения, что по природе своей они агрессивны, закономерно приводит к выводу о необходимости сдерживать разрушительные тенденции, свойственные людям, силой или угрозой применения силы.

Мы должны различать у человека два совершенно разных вида агрессии. Первый вид, общий и для человека и для всех животных, — это филогенетически заложенный импульс к атаке (или к бегству) в ситуации, когда возникает угроза жизни. Эта оборонительная, «доброкачественная» агрессия служит делу выживания индивида и рода; она имеет биологические формы проявления и затухает, как только исчезает опасность. Другой вид представляет «злокачественная» агрессия — это деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку и практически отсутствуют у других млекопитающих.

Насилие — это разрушительная сила, которая унижает, насилует, подавляет, эксплуатирует кого-либо. Насилие проявляется в различных многообразных формах: физической и психологической, межличностной и структурной, социальной, политической, военной, экономической, культурной, религиозной и т. д.

К определению понятия насилия существует два подхода, один из которых можно назвать абсолютистским, другой — прагматичным.

Согласно первому, понятие «насилие» несет выраженную негативную оценочную нагрузку. Насилие отождествляется со злом вообще. Насилием именуется только такое внешнее принуждение человека, которое достойно осуждения. Насилие воспринимается в общественном сознании как действие обидное, незаконное.

Прагматический подход ориентируется на ценностно-нейтральное и объективное определение насилия и отождествляет его с экономическим и физическим ущербом. Насилием признается то, что очевидно является насилием, — убийство, ограбление и пр. Однако не существует единицы измерения насилия, поэтому будет очень сложно определить количество насилия, которое необходимо причинить, чтобы предотвратить большее насилие. Сложнее предотвращать насилие с помощью насилия [3].

Насилие как способ принуждения в той или иной степени присущ любому обществу. Насилие в политике использовалось всегда. Но в XX веке приемлемость на-

силы как универсального способа регуляции общественной жизни все чаще подвергается сомнению и зоны использования насилия все более сужаются. Насилие, запланированное как временное и локальное, легко перехлестывает любые, заранее определенные барьеры. Акты насилия в современном мире легко могут привести к катастрофическим последствиям.

Должны ли граждане государства поддерживать его в несправедливых войнах, которые оно ведет? Должны ли люди поддерживать любую войну и любой вид насилия (над собой или над другими) — вопрос неоднозначный.

Насилие возможно только в обществе, поскольку насилие — принуждение к чему-нибудь одного человека другим. Уход от насилия не есть борьба против насилия, а есть лишь примитивная попытка ухода от самой проблемы.

Ненасилие в политике — концепция, признающая необходимость, целесообразность и оправданность отказа от использования насилия, силы вообще при решении каких бы то ни было политических и социальных проблем, ставящая в основу политической деятельности принципы гуманизма и требования общечеловеческой морали и нравственности.

Ненасилие не отрицает эту жизненно важную, оборонительную воинственность, но преобразует ее в позитивное, ненасильственное средство обороны в решении конфликтов. Реакция людей на насилие и несправедливость возможна в трех формах: пассивности, ответном насилии, активном ненасии. Пассивность рассматривалась М. Ганди как подчинение злу, уподобление человека рабу. Пассивность противостоит активному ненасию и должна быть безусловно отвергнута. Ненасилие учит преодолевать страх. Те, кто прибегают к ответному насилию... их позиция выше пассивности. Когда мы используем ответное насилие, мы тем самым позволяем своему противнику (агрессору или врагу) также прибегать к силе по отношению к нам. Следовательно, делая так, мы отрицаем свои собственные принципы (уважение к человеку) и цели (стремление к большей справедливости и миру). Прежде, чем осилить другого, мы разрушаем в себе свою человечность. Агрессивные действия, даже если они используются во имя благих целей, разрушают нашу человечность.

Ненасилие представляет собой философию, образ жизни, которые на основе верховенства правды любви предполагают личные, социальные и межнациональные изменения ради преодоления несправедливости в достижении мира, примирения. Цель ненасилия заключается не в достижении победы над противником или врагом, а в преодолении несправедливости, в решении конфликтов и, посредством этого, в создании условий жизни для всех. Ненасилие устанавливает власть справедливости, правды и любви. Ненасилие разворачивает борьбу за преодоление несправедливости на уровне совести. Оно организовано отказывается повиноваться несправедливым порядкам и законам или действовать в ситуации несправедливости и подавления прав человека. Ненасилие делает невозможным функционирование несправедливой системы, не разрушая человеческие жизни и не уничтожая материальные ценности.

Ненасилие может выступать как практически эффективный опыт действия и как принципиальная позиция. Уяснение различия этих двух аспектов ненасилия — практического и принципиально-мировоззренческого — имеет важное значение для понимания его природы. Философия ненасилия может быть нормативной или ненормативной. Ненасилие как общезначимая социальная позиция определяется разными мотивами: моральными и неморальными, другими словами, принципиальным и прагматическим ненасилием.

Принципиальное ненасилие имеет две формы: абсолютную и условную. Абсолютное ненасилие отвергает использование насилия в любых обстоятельствах, чего нельзя сказать об условном ненасилии. Оно допускает такие обстоятельства, в которых насилие будет обосновано, с уточнением, что такие обстоятельства складываются в мире крайне редко. М. Ганди был сторонником условного ненасилия, поскольку говорил, что если придется выбирать между насилием и трусостью, то достойнее избрать насилие.

Принципиальное и прагматическое ненасилие отличаются друг от друга степенью широты использования насилия. Прагматическое ненасилие руководствуется политическими, социальными или государственными соображениями, а принципиальное ненасилие, в дополнение к ним или вместо них, руководствуется еще высокими моральными целями. Здесь важным является моральная эффективность, а не практическая.

В обоих случаях ненасилие получает обоснование, но принципиальное ненасилие получает моральное обоснование, в то время как прагматическое ненасилие может иметь лишь практическую целесообразность, а моральные мотивы не являются обязательными. Получается, что прагматическое ненасилие может быть использовано ради аморальных целей с тем же успехом, как и ради моральных. Принципиальное ненасилие не может быть использовано ради аморальных целей. Ненасилие проблематично только в том мире, в котором некоторые используют насилие, в то время как другие — нет.

Исходным принципом воззрений М. Ганди была ахимса — воздержание от нанесения вреда всему живому. Главный признак ахимсы — это любовь, которая имеет характер всеобъемлющей нравственной категории. Любовь несовместима с насилием, причинением каких-либо страданий другим.

Борьба против насилия, по мнению М. Ганди, должна вестись исключительно ненасильственными средствами, т.к. это единственный способ преодолеть зло. Сама готовность принять на себя страдание являлась для Ганди важнейшим атрибутом ахимсы.

Ненасильственная борьба («сатьяграха») — выход, предложенный М. Ганди. Первоначально М. Ганди пользовался выражением «пассивное сопротивление». Позже он убедился, что этот термин слишком узок, что под ним подразумевается оружие слабого против сильного, нечто такое, что внушено ненавистью и в конце концов может вылиться в насилие. «Я решил предупредить ложное истолкование и разъяснить подлинную природу индийского движения», — писал М. Ганди. Было придумано слово «сатьяграха» («сат» — истина, «аграха» — твердость). Стараясь сделать слово более понятным, М. Ганди изменил его на «сатьяграха». Этот термин стал обозначать борьбу. «Сатьяграха» не является физической силой. «Сатьяграха» не причиняет страданий противнику, он не стремится к его уничтожению [1].

Понятие насилия и ненасилия нельзя понять вне соотнесения друг с другом. Необходимо их рассматривать в контексте добра и зла. Насилие и ненасилие представляют собой разные перспективы в борьбе за справедливые отношения между людьми в обществе. Ненасилие представляет собой постнасилиственную стадию в борьбе за социальную справедливость. В отличие от пассивности, являющейся позицией человека, который не поднялся, не дорос до ответного насилия, оно представляет собой способ поведения человека, который перерос насильственный способ решения проблемы. Перерос и духовно, так как в противовес насилию, всегда предполагающему разделение людей на две неравноправные касты — своих и чужих, «добрых» и «злых» и т. д. [3].

Для любви нужно больше кругозора и больше мужества, чем для кровной мести, дуэли или иной физической расправы с врагом. Ответное насилие и активное ненасилие — разные ступени, стадии зрелости человеческих усилий, направленных на борьбу

за социальную справедливость. Ненасилие переводит цели и средства борьбы в качественно однородную нравственную плоскость, направлено на устранение не только эмпирических результатов несправедливости, но и их внутренних оснований, оно разрывает цепь насилия, поднимает человеческие отношения на другой уровень. Такая последовательность находит также подтверждение в истории идеи ненасилия. Норма «Не убий», сформулированная в «Ветхом завете», трансформируется до нормы «Возлюбите врагов ваших».

Большинство считает, что принципы «Подставьте другую щеку», «Возлюбите врагов ваших» имеют практическую ценность там, где индивиды конфликтуют друг с другом, там же, где был конфликт между расовыми группами или нациями, необходим другой, более реалистичный подход. М. Л. Кинг говорил также о «реальном пацифизме». «Пройдя через действительный опыт протеста, насилие стало большим, чем метод, с которым я был теоретически согласен, оно стало обязательством жить определенным образом», — писал Кинг. «Многие из проблем ненасилия, которые я не мог прояснить для себя интеллектуально, разрешились в сфере практических действий» [4].

М. Л. Кинг был одним из последователей М. Ганди. Причисляя насилие к воплощению зла, Кинг считал, что морально оправданные цели могут быть достигнуты лишь ненасильственными средствами. Он не считал ненасилие проявлением слабости, наоборот, подчеркивал, что это «путь сильных людей», предполагающий не пассивность, а ненасильственное сопротивление злу [5].

Кинг выделил следующие принципы ненасилия: а) активное сопротивление; б) цель ненасилия — освобождение и примирение; в) направленность не против людей, а против силы зла; г) принятие страдания без возмездия; д) отказ не только от внешнего физическо-го насилия, но и от внутреннего насилия духа; е) устремленность в будущее [4].

Перечисленные выше основы не являются сугубо теоретическими изысканиями, которые невозможно применить на практике. В данном случае стоит упомянуть об одной примечательной книге директора Центра исследований мира Свободного университета Брюсселя (Бельгия) Йохана Низинга «Общественная оборона как логическая альтернатива. От утопии к выбору».

Под общественной обороной понимается система устрашения, основанная на способности населения ненасильственным путем оказывать сопротивление агрессору (внутреннему или внешнему), предотвращать его нападения, создавать невыносимые для него условия в случае вторжения, чтобы вынудить его прекратить оккупацию и уйти. Любая система обороны состоит из двух слагаемых: твердого оружия и «мягкого оружия» (психологические условия) — это психическая устойчивость и здоровье нации, убежденность граждан в неограниченных возможностях ненасильственной обороны, силы духа, культуры ненасилия, способность противостоять фрустрациям (разочарованиям), вытекающим из пережитого организационного и физического насилия, не впадать в ненужную агрессивность, воздерживаться от нагнетания насилия; высокий уровень самостоятельности в мышлении и поведении и т. п. Здесь важен не столько героизм одиночек, сколько «тихий молчаливый саботаж» большинства населения [6].

Практикой опробованы несколько сотен методов, приемов и форм ненасильственного сопротивления. Замена традиционной обороны общественной преследует предельно широкие и далеко идущие цели. Она выступает альтернативой войне, приходит на смену ей, ведет неизбежно к отмене военного аппарата, ликвидации главного инструмента войны — армий, технической и организационной базы войны. Это система, которая не содержит угрозы дальнейшему существованию человечества, уводит его на

безопасный путь развития. В некоторых государствах (Швеции, Швейцарии и др.) идея общественной обороны признана и утверждена в доктринах безопасности, является объектом политического планирования, практически введена как дополнение (компонент) к силовым средствам сопротивления агрессору.

Ненасилие является предпосылкой нового взгляда на мир и призывает нас, объединившись, сделать все, чтобы построить его. Это — жизненная позиция, являющаяся в то же время моральной.

Все вышесказанное говорит о постепенном формировании «общества антивойны», и данный процесс по оптимистическим прогнозам может занять не менее 1—1,5 веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганди М. Моя жизнь.— М.: Наука, 1969.— С. 250, 554—565.
2. Губин В. Д. Русская культура и феномен насилия // Вопросы философии.— 1995.— № 5.— С. 5.
3. Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994.— № 6.— С. 35.
4. Кинг М. Л. Паломничество к ненасилию // Этическая мысль / Общ. ред. А. Гусейнова.— М.: Республика, 1992.— С. 177.
5. Кинг М. Л. Есть у меня мечта...— М., 1970.— С. 66—68.
6. Низинг Й. Общественная оборона как логическая альтернатива: от утопии к выбору.— М., 1993.— С. 146.
7. Шлегель К. Новый порядок и насилие // Вопросы философии.—1995.— № 5.— С. 17.

УДК 378.1

В. А. Кузьміч, ст. викладчик

КРЫТЫЧНАЕ МЫСЛЕННЕ Ў ВЫШЭЙШАЙ ШКОЛЕ

In article the role of critical thinking in teaching and educational process is opened. The author represents the basic aspects of the new pedagogical approach: independence, statement of questions and finding— out of problems, social thinking, active hearing. Practical examples of use of the principle are resulted.

Імклівае развіццё навукі і тэхнікі ў апошнія гады, а таксама сацыяльна-палітычныя змены ў грамадстве не могуць не адбіцца на сістэме адукацыі. Таму адной з яе галоўных задач становіцца ўкараненне перадавых тэхналогій у навучальна-выхаваўчы працэс. Перш за ўсё нам патрэбны такія падыходы, якія будуць спрыяць актывізацыі самастойнай і творчай працы студэнтаў і дапамогуць будучым спецыялістам адаптавацца да зменлівых умоў жыцця.

Адным з такіх падыходаў, які арыентуе студэнта на свядомае ўспрыняцце ведаў і актыўнасць у навучальнай дзейнасці, з'яўляецца крытычнае мысленне.

Паспрабуем прыйсці да разумення крытычнага мыслення праз выяўленне яго асноўных рысаў. Па-першае, крытычнае мысленне патрабуе ад студэнта *самастойнасці*. Яна заснавана на здольнасці студэнтаў самастойна вырашаць пазнавальныя задачы ў працэсе працы над моўным і мовазнаўчым матэрыялам.

У выніку гэтага калектыўны падыход паступова ўступае месца асобаснаму, сутнасць якога не ў фармальных відах працы, напрыклад у дыферэнцыяцыі навучальнага працэсу, а ва ўспрыманні студэнта як актыўнага суб'екта навучальнага працэсу. Задача выкладчыка пры гэтым заключаецца не толькі ў трансфармацыі ведаў і агульначалавечых уменняў, але і ў абуджэнні свядомасці студэнта, яго матываў і патрэбнасцей у навучанні. Гэта абавязвае выкладчыка роднай мовы штодзённа